

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.139.151>

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НОИН-УЛИНСКОГО ДРОМОСНОГО КУРГАНА 1 («МОКРОГО»)

©2026 г. Н.А. Агапитова (Сутягина)

На основе комплексного анализа археологических, письменных и изобразительных источников предложена реконструкция погребального обряда Ноин-Улинского кургана 1 («Мокрого»). Во время его строительства были соблюдены необходимые внешние атрибуты элитного погребения кочевников хунну, датируемых концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. Форма наземного сооружения и конструкция деревянной гробницы, набор предметов сопроводительного инвентаря и локализация некоторых категорий вещей были стандартными для больших дромосных курганов Ноин-Улы. Одновременно в устройстве могильной ямы, погребальной камеры и ее оформлении проявились индивидуальные особенности. Большая часть обнаруженных здесь вещей аналогична и даже идентична находкам из других дромосных курганов, однако встречались уникальные художественные произведения древнего искусства и мастерства. По времени создания исследуемое захоронение синхронно другим Ноин-Улинским курганам.

Ключевые слова: археология, хунну, Ноин-Ула, курган 1, погребальный обряд, декор гробницы, сопроводительный инвентарь

BURIAL RITE OF THE NOYON-UUL TERRACE TOMB 1 (“MOKRYI”)

N.A. Agapitova (Sutiagina)

The method of the archaeological, written and visual sources comprehensive analysis allowed to reconstruct the burial rite of the terrace tomb1 (“Wet”) at Noyon-Uul. During its construction, the necessary external attributes of an elite burial structure of the Xiongnu nomads, dating back to the end of the 1st century BC and the first half of the 1st century AD, were preserved. The shape of the above-ground structure and construction of the wooden chamber, the set of accompaniments and locations of the some categories of objects were standard for the large terrace tombs at Noyon-Uul. At the same time, the structure of the burial pit, the burial chamber and its decoration revealed unique features. Most of discovered finds were known and even identical to the artifacts in other terrace tombs, but there were unique objects of ancient art and craftsmanship. The burial site under study is synchronous to other terrace tombs at Noyon-Uul.

Keywords: arhaeology, Xiongnu, Noyon-Uul, terrace tomb1, burial rite, decoration of wooden chamber, accompaniments

Введение

Курган 1 («Мокрый») – одно из самых загадочных погребений археологического комплекса эпохи хунну в горах Ноин-Ула. Он расположен в восточной группе Суцзуктэ около южной границы древнего некрополя у русла реки (рис. 1). В 1924–1925 гг. здесь проводила исследования Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова. В течение этого времени были предприняты четыре попытки раскопать курган, но завершить работу удалось только весной 1925 г. Обилие талых и грунтовых вод, с которым столкнулись участники экспедиции в процессе работы, закрепило за погребением название «Мокрый». Соблюдая пункты Соглашения (1924 г.) и Договора (1926 г.) об условиях дальнейшей работы с ноин-улинскими материалами, находки из кургана

1 были возвращены в Монголию (Агапитова (Сутягина), 2024, с. 180–184)¹. В 1954–1955 гг. Ц. Доржсурэн раскопал несколько сопроводительных захоронений в южной части насыпи, которые принял за жертвенные места (Доржсурэн, 1962, с. 40). В 2021 г. вокруг дромосного кургана были обнаружены погребения с круглой наземной конструкцией, однако их связь до проведения раскопок может определяться лишь предположительно (Эрдэнэ-Очир, Сутягина, 2022, с. 214 рис. 2).

Вплоть до настоящего времени полная публикация материалов этого захоронения отсутствует, а сведения о нем фрагментарны. Причинами стали долгий и прерывистый процесс раскопок, разрозненность полевой документации и коллекции. Однако комплексный анализ археологических и разновремен-

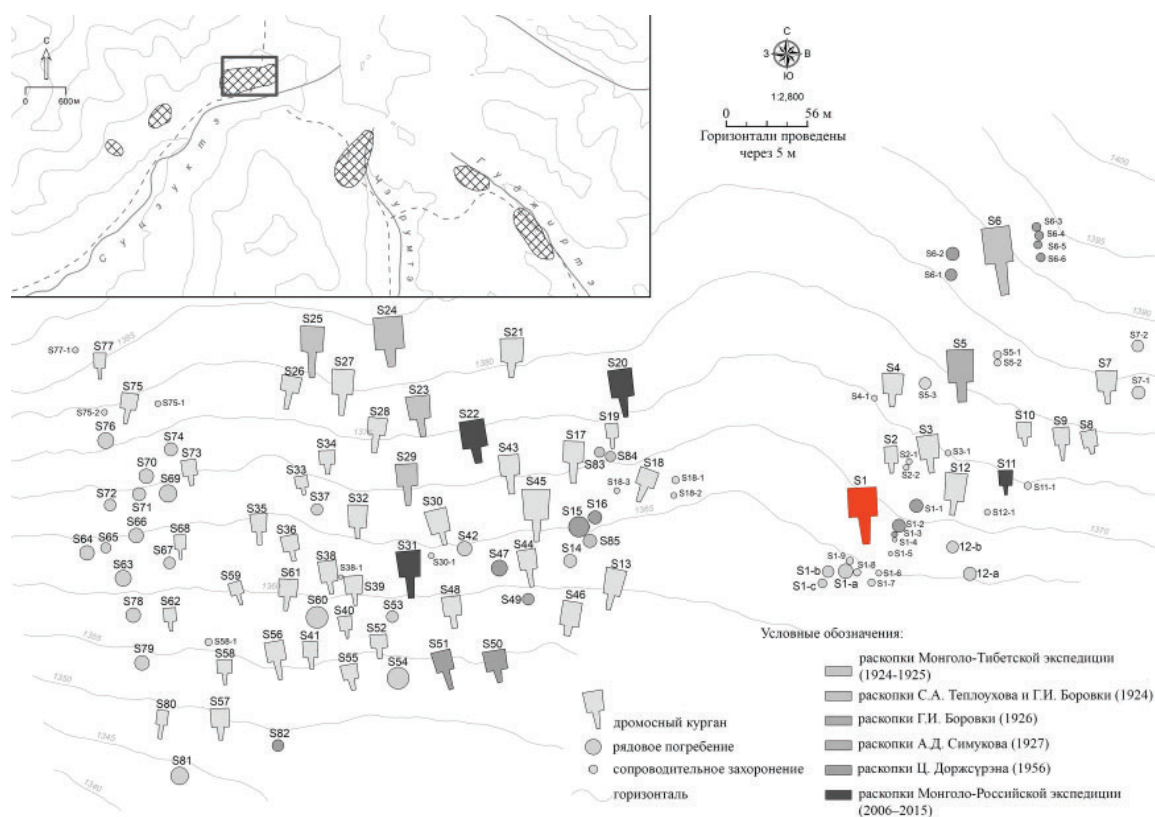

Рис. 1. План могильника в Суцзуктэ и курган 1 (по: Эрдэнэ-Очир, Сутягина, 2022. С. 214, рис. 2).

Fig. 1. Plan of the burial ground in the Sutszuke Valley with barrow 1 (according to: Erdene-Ochir, Sutiagina, 2022, p. 214 fig.2).

ных письменных и изобразительных источников позволяет реконструировать некоторые детали погребального обряда.

История исследования кургана и информационные лакуны

Полевые работы начались 24 марта 1924 г. под руководством сотрудника экспедиции С.А. Кондратьева одновременно с изучением кургана 6 («Верхнего») в пади Суцзуктэ и Баллодовского кургана в пади Цзурумтэ. Раскопки проводились шурфом, заложенным в центре наземной конструкции. Однако высокий уровень грунтовых вод и расположение погребения рядом с руслом реки сильно мешали исследованиям, которые приходилось прерывать. В конце февраля 1925 г. рабочим удалось добраться до деревянной погребальной конструкции. Раскопачный шурф попал прямо в центральную часть гробницы. В процессе разбора ее заполнения были обнаружены перекрытия и продольные опорные балки внешнего сруба и внутренней камеры. Перекрытие было сломано в центре, но довольно хорошо сохранилось в углах. У внутренней камеры упали верхние бревна

южной стены, а западная стена была разрушена. К началу марта участники экспедиции очистили западную часть внутренней камеры и дошли до западного «коридора»², разобрали хорошо сохранившийся восточный «коридор», а также стоящий вплотную к восточной стене гроб. Перебрав его заполнение, гроб вытащили по частям. Остатки расстеленного войлочного ковра завернули краями к центру и подняли вверх. Северо-восточный угол внутренней камеры и северный «коридор» гробницы были исследованы в последнюю очередь (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 2–4).

После завершения работ П.К. Козлов написал о «Мокром» кургане заметку в газете и уделит внимание при публикации академического издания кратких отчетов экспедиции (АРГО. Ф. 18. Оп. 5. Д. 78; Козлов, 1925, с. 10, рис. 10). В дальнейшем в разных изданиях воспроизводились краткое описание конструкции и некоторые чертежи, опись обнаруженных предметов с топографией, фотографии и рисунки наиболее впечатляющих находок (Trever, 1932; Umehara, 1960; Руденко, 1962). В последние десятилетия вновь были опубли-

кованы изображения уже известных вещей из этого комплекса (Treasures..., 2011, ил. 184, 187, 189, 232, 395, 396; Елихина, 2017, с. 298; Хунну..., 2020, ил. 34, 38, 40; Талын..., 2022, с. 47, 56).

В итоге сведения о погребальном обряде «Мокрого» кургана ограничиваются краткими раздробленными описаниями в нескольких публикациях.

Корпус источников и методы исследования

Для реконструкции и изучения погребального обряда кургана 1 основными источниками стали полевые материалы Монголо-Тибетской экспедиции и учетно-хранительская документация научных учреждений. Ценные наблюдения и описания работы, подробности об извлечении и первичной обработке находок содержатся в датируемых концом февраля–началом марта 1925 г. и подтвержденных другими источниками записях в дневнике С.А. Кондратьева, который постоянно присутствовал на раскопе (Жизнь и научная деятельность..., 2006, с. 173–177). Некоторые детали рабочего процесса С.А. Кондратьев описал в письмах, адресованных П.К. Козлову (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л. 1об.–3).

На основе сохранившихся полевых заметок и заведенной С.А. Кондратьевым «специальной книжки для археологического дневника» появилась возможность последовательно восстановить процесс раскопок кургана 1. В заметках описаны работы на кургане в период с 24 марта по 19 августа 1924 г. В археологическом дневнике, охватывающем период с 25 февраля по 7 марта 1925 г., изложены события и результаты завершающего этапа исследования (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 1–8, 61–61об.).

Отчет о раскопках погребения включает указанную выше информацию, дополненную описанием и многочисленными измерениями погребальной конструкции и отдельных ее деталей. С.А. Кондратьев описал расположение предметов внутри деревянной гробницы на момент ее открытия. Приложенная к отчету опись предметов содержит дату обнаружения, полевой номер, название или описание предмета, место его находки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 110–115, 115 об.).

Значимой частью корпуса источников являются чертежи, рисунки и фотографии. Планы и профили деревянной гробницы С.А. Кондратьев и его коллеги рисовали в поле-

вых условиях на основе сделанных измерений (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 25–27). Сличение оригинальных и опубликованных С.И. Руденко чертежей позволило установить, что последние были доработаны на основе данных отчета (Руденко, 1962, с. 15 рис. 12, 13). В экспедиции было сделано несколько экземпляров рисунков детали гроба с изображением птицы (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 54. Л. 4). Сохранилась фотография наземной конструкции «Мокрого» кургана (Козлов, 1925, рис. 3, 10).

Поскольку комплекс находок из кургана 1 никогда полностью не публиковался, определяющее значение для изучения сопроводительного инвентаря имеют описания, фотографии и рисунки предметов. В ходе первичной обработки и упаковки к каждому предмету прикреплялась бирка с указанием кургана и порядкового номера по полевой описи (Жизнь и научная деятельность..., 2006, с. 177). В дальнейшем эти сведения дополнились учетными данными Склада древностей ГАИМК, куда коллекция поступила для реставрации и изучения в 1925 г. (Сутягина, 2023, с. 18–29).

Сотрудники экспедиции сделали зарисовки нефритовых пластин и графическую реконструкцию найденного в обломках керамического сосуда (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 30; Оп. 4. Д. 54. Л. 3). Значительное количество рисунков и фотографий предметов было выполнено уже в 1924–1928 гг. в процессе подготовки археологической коллекции к публикации (Медведева, 2023, с. 74–84). На изобразительных документах указаны номер погребения и предмета, что позволяет достоверно определить принадлежность вещей к комплексу исследуемого захоронения (Неизданный каталог..., 2023).

Таким образом, раскопки кургана 1 и дальнейшее изучение коллекции находок сопровождалось подробной фиксацией. Объединение данных всего корпуса выявленных разновременных источников позволило реконструировать погребальный обряд этого захоронения следующим образом.

Погребальное сооружение и деревянная гробница

Погребальный комплекс кургана 1 представляет собой захоронение, характерное для знати хунну конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. Обрамляющая насыпь четырехугольная каменная ограда сохранилась на

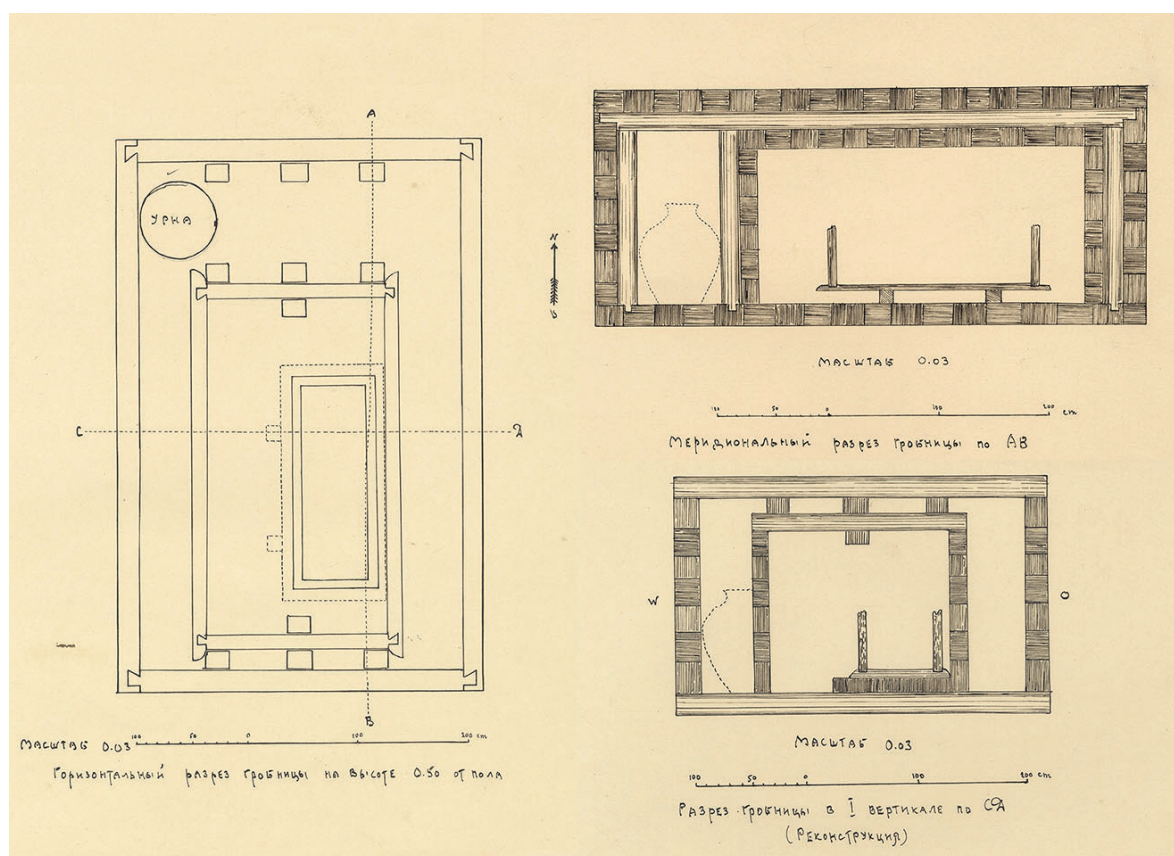

Рис. 2. Деревянное погребальное сооружение кургана 1. План и профили гробницы (по материалам АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 25–27).

Fig. 2. Wooden burial structure in barrow 1. The plan and profiles of the chamber (after ARGS. Fund 18. Register 1. Folder 102. Pages 25–27).

высоту 1,25–1,56 м, особенно хорошо в углах. С южной стороны к ней примыкает дромос. Согласно реестру выявленных Монголо-Тибетской экспедицией объектов длина стороны ограды составляла 21,9 м, длина дромоса – около 21 м, его ширина – 8,8–4,57 м (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 57. Л. 6; Руденко, 1962, с. 16). В сопроводительных захоронения глубиной 1,65–2,8 м встречались обгоревшее дерево, уголь и кости (Доржсурэн, 1962, с. 40).

Принятая в Монголо-Тибетской экспедиции методика раскопок не предполагала изучения формы и заполнения могильной ямы. Однако описания, дошедшие до настоящего времени в виде полевых отчетов и отдельных записей, позволяют сделать некоторые стратиграфические наблюдения. Верхняя часть раскопочного шурфа, частично совпавший с грабительским, была заполнена примерно на 1,2 м сползшими с насыпи глиной и камнями. На глубине около 2,4 м грунт приобрел красноватый цвет, характерный для засыпки могильной ямы. Камни попадались реже и на отметке около

3,5 м полностью исчезли. Зафиксированная ниже вязкая черная земля свидетельствует о наличии здесь угольной прослойки (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 61). Она встречалась во многих дромосных гробницах хунну, особенно в северной зоне их строительства (Коновалов, 2008, с. 17; Миняев, 2009, с. 51; Полосьмак и др., 2011, с. 72–73; Сутягина, 2021, с. 281). Помимо ритуальных практик древние строители могли использовать уголь для сохранения герметичности пространства деревянной гробницы подобно китайскому обряду (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 38).

Раскопочный шурф попал в центральную часть деревянной гробницы, открыв доступ к гробу (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 27). Погребальное сооружение, установленное на дне могильной ямы на глубине 10,13 м, было сделано из отесанных бревен (рис. 2). Размеры внешнего сруба, зафиксированные по внутренней стороне, составили $4,61 \times 2,9$ м, высота – 1,75 м (семь венцов). Перекрытие внешнего сруба состояло из двадцати одного

бревна, уложенного в поперечном направлении (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925. Д. 68. Л. 113об.). Они лежали на продольных стенах сруба, девяти опорных столбах и трех продольных балках, упирающихся в пазы в южной и северной стенах. Сломанная центральная часть перекрытия просела внутрь гробницы.

Внутренняя камера была установлена на пол внешнего сруба, собранного из восемнадцати поперечно уложенных бревен. Ее размеры составили 3×1,55 м при высоте примерно 1,45 м (шесть венцов). Точнее определить высоту стен оказалось затруднительным из-за разрушений. Поперечное перекрытие камеры было сделано, предположительно, из четырнадцати бревен, которые опирались на стены, продольную балку и два опорных столба. Продольные и поперечные стены внутренней камеры соединялись способом «с остатком». Камера размещена внутри сруба таким образом, что образовались широкий северный (1,09 м), практически равные западный (0,47 м) и восточный (0,54 м), очень узкий южный (0,2 м) «коридоры». Опорные столбы (в сечении – около 0,2 м) были установлены вплотную к поперечным стенам только в северном и южном «коридорах». Нижним концом они фиксировались в полу с помощью шипов, а в верхней части предположительно имели фигурные завершения с ложем для балки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 111об., 113об.).

Гроб (1,94 × 0,74 м, высота 0,54 м (?)) стоял вдоль восточной стены внутренней камеры, что достоверно определено по сохранившимся *in situ* подгробным доскам. Он был сильно поврежден, особенно в верхней части. Крышку найти не удалось (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 111–113об.). Обнаруженные среди деревянных щепок фигурные дощечки позволяют предположить, что доски гроба соединялись традиционным способом с помощью фигурных шпонок.

Останки погребенного в кургане человека найдены не были. Однако в западном «коридоре» среди фрагментов ковра сохранились три зубные коронки, по которым М.П. Грязнов в 1926 г. предположил юношеский или взрослый возраст индивида (Сутягина, 2023, с. 42).

Сложное сооружение кургана 1 соответствовало «стандарту» элитного захороне-

ния хунну, сформировавшемуся к рубежу эр. При строительстве наземной конструкции и погребальной камеры были соблюдены необходимые внешние атрибуты: крупная четырехугольная насыпь с дромосом, сопроводительные захоронения, двойная погребальная камера с опорно-балочной системой.

По масштабам наземной конструкции и системе расположения сопроводительных захоронений «Мокрый» курган уступает основным захоронениям Ноин-улинских некрополей в Суцзуктэ (курган 6) и Цзурумтэ (Баллодовский), а также комплексов в Цараме или Гол Моде (Сутягина, 2021, с. 278–293; Sutiagina, 2023, р. 49–68; Миняев, 2009, с. 50; Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 30–40). Однако положение в восточной группе Суцзуктэ недалеко от основного кургана указывает на особый статус погребенного здесь человека. Исследуемое погребение сопоставимо по размерам с курганом 54 в Ильмовой пади и расположенными в центральной части Суцзуктэ курганами 20, 22, 31, крупнее дромосных курганов 23, 24, 25, а также раскопанной гробницы 6 в Оргойтоне (Руденко, 1962, с. 9, 19, 20; Коновалов, 2008, с. 9; Полосьмак и др., 2011, с. 53; Полосьмак, Богданов, 2015, с. 16, 28; Николаев, Миняев, 2019, с. 110).

Набор признаков сближает это захоронение с расположенным недалеко курганом 6 в Суцзуктэ: расположение гроба вдоль восточной стены, устройство деревянной гробницы и способ соединения бревен внутренней камеры «с остатком». Аналогичным образом была собрана деревянная гробница в кургане 22 (Сутягина, 2021, с. 282–283 рис. 4; Полосьмак, Богданов, 2015, с. 20 таб. XI, с. 21 рис. 1.16). При этом деревянное погребальное сооружение «Мокрого» кургана оказалась небольшим. Оно близко по размерам конструкции из кургана 20 и практически совпадает с деревянным сооружением кургана 6 могильника Оргойтон. С последним имеется сходство и в положении гроба вдоль восточной стены внутренней камеры (Николаев, Миняев, 2019, с. 113, 121).

Оформление гробницы

Несмотря на ограбление и частичное разрушение погребального сооружения, внешний вид находок и зафиксированная на момент раскопок топография позволяют атрибутировать часть найденных здесь предметов как остатки декора гробницы. Таковыми являются

Рис. 3. Фрагмент шелкового покрытия войлочного ковра (ФО НА ИИМК РАН. Колл. А 1536/110. Нег. III 2861; по: Неизданный каталог..., 2023, с. 381 фото 272).

Fig 3. Fragment of the silk cover of the felt carpet (SA IHMC RAS Photographic Department. Collection A 1536/110. Imp. III 2861; according to: Unpublished catalogue...2023, p. 381 photo 272).

ся фрагменты войлочных ковров, узкие четырехугольные шелковые ленты и вышитые ткани в форме ромбов, золотые декоративные пластины и фрагмент лакированной доски с росписью.

Пол внутренней камеры был застелен войлочным ковром, от которого сохранились фрагменты вдоль стен и под гробом. С.А. Кондратьев отмечал наличие «...в орнаменте ковровой ткани рыси, грифоны, пятнистые олени» (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 3). Найденный в западном «коридоре» кусок ковра был украшен иначе: «Там есть обезьяна (?), какая-то хищная кошка и, по-видимому, медведь» (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л. 1об.) (рис. 3). На основе описаний и фотографий 1920-х гг.³ можно предположить, что речь идет об одном ковре, но разных его частях: аппликациях по периметру и декору шелкового покрытия центральной части (Неизданный каталог...2023, с. 380, 381, фото 271, 272).

На внутренней поверхности южной стены внешнего сруба прямо над уровнем пола была зафиксирована длинная шелковая лента с орнаментом в виде ромбов (РО НА ИИМК

РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 115об.; Неизданный каталог..., 2023, с. 131, рис. 9). Эта находка позволяет предположить полную или частичную драпировку стен шелком. Фрагменты такой же ткани лежали в восточном «коридоре» и во внутренней камере.

Установленный вдоль восточной стены внутренней камеры гроб сохранился плохо, однако в отчете была отмечен стандартный способ его сборки (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 111). Участникам экспедиции удалось снять доски около северной подгробной опоры. Именно здесь сохранилась знаменитая роспись с изображением летящей птицы (рис. 4). Она являлась частью внешней поверхности пола гроба (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л. 1об.). Большая часть треугольных и четырехугольных фрагментов вышитого шелка и золотых пластин лежали на полу внутренней камеры вдоль западной стенки гроба и внутри него (рис. 5). В полевом отчете отмечалось, что среди тканей попадались отдельные фрагменты со следами «вшитого в них пластинчатого золота» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 112об.).

Рис. 4. Фрагмент доски гроба с лакированным покрытием. Национальный музей Монголии. Фото автора

Fig 4. Fragment of the lacquered coffin board. The National Museum of Mongolia. Photo by author.

Расположение и сочетание перечисленных находок позволяют считать их также частью декора гроба. Рядом с ним лежала бронзовая позолоченная ручка для переноски.

В оформлении вертикальных и горизонтальных поверхностей деревянной гробни-

цы кургана 1 использовались те же способы, что и в других захоронениях в Ноин-Уле. Внимание привлекают индивидуальные черты. Центральная часть лежавшего на полу внутренней камеры ковра была украшена изящным орнаментом в виде спиралей и покрыта полихромным китайским шелком. Это отличает найденное изделие от хорошо известной находки из кургана 6 и других захоронений хунну. Остатки драпировки стен шелковыми тканями, но с иным орнаментом, были прослежены *in situ* на вертикальных поверхностях гробниц в курганах 6 и 23 в пади Суцзуктэ. В последнем для этой цели могли использовать разные образцы ткани. Фрагменты шелковой драпировки стен внутренней камеры сохранились и в кургане 6 могильника Оргойтон (Николаев, Миняев, 2019, с. 119, 121).

Найденный в «Мокром» кургане гроб представляет собой пример сочетания разных материалов и техник в оформлении. Остатки лакированного гроба с шелковой внутренней обивкой были найдены в Ноин-улинском кургане 20 (Полосьмак и др., 2011, с. 73). Использование вышитого шелка в оформлении гроба было прослежено как в раскопанных Монголо-Тибетской экспедицией курганах, например в кургане 6, так и в ходе современных раскопок кургана 22. В последнем, как и в «Мокром» кургане, на тканях сохранились следы от аппликаций золотыми лентами. Украшение поверхности гроба с помощью золотых лент и четырехлистников, имитирующих решетку мобильного жилища,

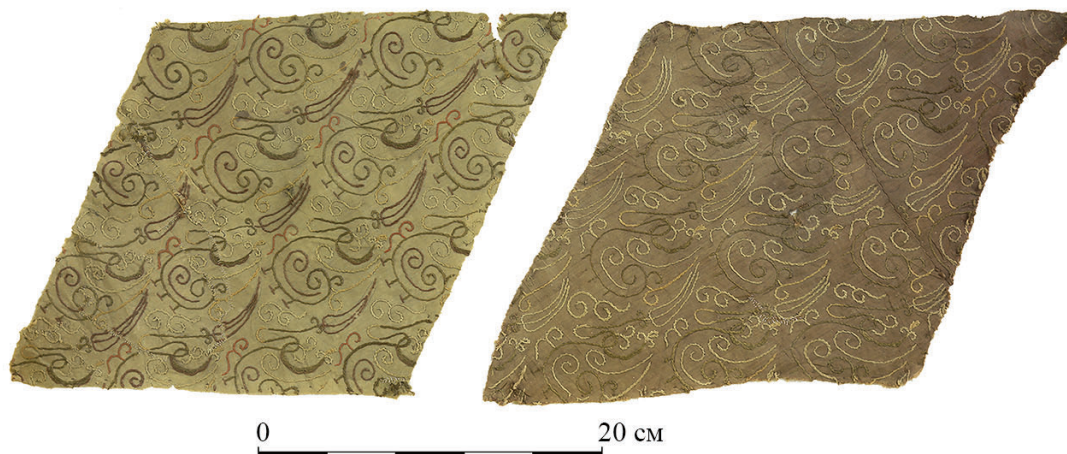

Рис. 5. Фрагменты шелковых тканей (по: Treasures...2011. P. 266, il. 395, 396).

Fig. 5. Fragments of the silk fabrics (according to: Treasures...2011. P. 266, il. 395, 396).

– хорошо известный прием, используемый не только в элитных захоронениях, но и в погребениях менее знатных кочевников (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 38–39). Можно предположить, что установленный в кургане 1 гроб собирали на месте из имеющихся материалов, соблюдая лишь внешний стандарт погребальной конструкции без учета художественной ценности исходных материалов.

Предметы сопроводительного инвентаря

Набор вещей в погребении знатного кочевника можно реконструировать на основе архивных документов и материалов коллекции находок из «Мокрого» кургана. Поскольку гробница подверглась ограблению и разрушению, то многие вещи были сломаны и сдвинуты с первоначальных мест, определенных обрядом. Однако зафиксированные в полевой описи указания на расположение находок в момент раскопок позволяют высказать некоторые наблюдения о топографии предметов внутри гробницы с учетом традиций размещения вещей в могилах хунну.

О наличии в захоронении китайской колесницы, которая часто использовалась в погребальной практике хунну, свидетельствуют фрагменты покрытых черным и красным лаком спиц (3 фр.) и бронзовые навершия спиц зонта (2 ед., 4 фр.) (Руденко, 1962, таб. XXXIII, 5). По материалам полностью раскопанных курганов хунну известно, что колесницу устанавливали на одном из перекрытий могильной ямы. Поскольку в «Мокром» кургане заполнение ямы не исследовалось, то в коллекции представлены только отдельные детали. Навершия были обнаружены на полу около гроба и в западной части погребальной камеры, куда они попали из грабительского шурфа и в ходе дальнейшего разрушения стен внутренней камеры (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 114, 115, 115об.). Они представляют собой прямую трубку с шипом и четырехлистником в верхней части. Их точные аналоги происходят из Баллодовского кургана (Sutiagina, 2023, р. 65, fig. 9). Рядом с бронзовыми навершиями были найдены еще два предмета, которые предположительно можно отнести к деталям колесницы: массивное изделие в виде головы животного с открытой пастью и навершие более крупного размера с четырехугольным сечением втулки (Руденко, 1962, таб. XXXII, 2, XXXIII, 4). Подобные вещи не известны в других Ноин-улинских погребениях, однако в

Рис.6. Сосуд (по: Талын..., 2022, с. 56).

Fig. 6. A vessel (according to: Heritage..., 2022, p. 56).

кургане 1 могильника Гол Мод 2 была найдена серия похожих крупных наверший с четырехугольной втулкой (Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 99, 117).

Керамические сосуды традиционно находились в северной части гробницы (рис. 6). В северо-западном углу северного «коридора» стояла *in situ* целая большая урна с характерным волнистым орнаментом по плечикам и круглым отверстием у дна, внутри которого сохранились зерна растений⁴ и уголь (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 112, 115; Талын..., 2022, с. 56). В северо-восточном углу был обнаружен «развал» второго сосуда. Согласно реконструкции С.А. Кондратьева, второй сосуд был не более 30 см высотой, имел сильно профилированную верхнюю часть, украшенную двойной линией по плечикам (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 54. Л. 3).

Волосы в шелковых футлярах, пустые футляры и отдельные пряди были собраны преимущественно в западном и восточном «коридорах». Несколько прядей и фрагментов футляров с нашитыми фестонами лежали в пределах внутренней камеры, куда предметы могли попасть из-за разрушенной западной

стены. По полевой документации и передаточным описям, составленным для Ученого комитета Монголии, в коллекции насчитывалось 26 предметов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 114–115, 115об.; 1926 г. Д. 107. Л. 133–135, 140, 141). Особенностью этого комплекса является наличие преимущественно прядей волос подобно Кондратьевскому кургану, а не заплетенных кос как в Ноин-улинском кургане 6 или кургане 7 в Цараме. Два погребальных флага были обнаружены в восточном «коридоре», фрагменты еще одного – в северной части внутренней камеры. Независимо интерпретации наличия отрезанных человеческих кос в дромосных гробницах хунну, нельзя исключать, что первоначально они были развешаны на стенах, а затем упали или были сорваны во время ограбления. Такое предположение можно сделать по аналогии с находками из кургана 7 могильника Царам, где косы были зафиксированы *in situ* на стенах внешнего сруба. Н.В. Полосьмак и Е.С. Богданов предполагали, что косы могли быть связаны с конской экипировкой (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 67).

Среди найденных в захоронении предметов лишь два можно отнести к конской упряжи. В западном «коридоре» вместе с косами был обнаружен бронзовый умбон, а в южной части гроба – изделие сердцевидной формы с тремя «ушками» (Руденко, 1962, рис. 26, з, д; Неизданный каталог..., 2023, с. 162, рис. 41; с. 196, рис. 79). Подобное изделие, происходящее из Ноин-улинского кургана 22, ранее атрибутировали как налобную бляху (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 57–58). На этом основании находки из кургана 1 и ее точную аналогию из Баллодовского кургана также можно считать конскими налобниками. В одном из писем С.А. Кондратьев сообщал П.К. Козлову о найденных здесь «небольших медных полусахляках непонятного назначения» (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л. 2). Судя по описанию, это могли быть небольшие бляхи от сбруи, подобные находке в Ноин-улинском кургане 6 или в кургане 1 могильника Гол Мод 2 (Сутягина, 2021, с. 282, рис. 3а, 3, 4; Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 131). Однако ни фотографий, ни иных упоминаний этих вещей на данный момент не обнаружено.

Внутри гроба и на полу к западу от него лежали необработанные заготовки и обработанные нефритовые пластины (29 ед.) (РО НА

ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 114). Последние различаются по цвету от светлых тонов до насыщенного зеленого и по форме: кольцо *би*, трапециевидные и прямоугольные пластины, полукруглые и когтевидные с просверленными отверстиями. На поверхности некоторых изделий виден прочерченный орнамент (Treasures..., 2011, p. 142 il. 183, 184, 144 il. 189). У нескольких предметов часть орнамента срезана. Перечисленные наблюдения позволяют предположить, что в погребение было положено не целое украшение, а отдельные пластины в качестве роскошных вещей для демонстрации статуса умершего. По количеству предметов этот набор уступает только коллекции нефритовых пластин из Баллодовского кургана, где было собрано тридцать три обработанных пластины (или их фрагментов) (Сутягина, Иванов, 2012, с. 441–447 рис. 1, 2). В других погребениях знати хунну количество нефритовых изделий меньше, хотя некоторые значительно превосходят по качеству (Полосьмак, Богданов, 2015, с. 73–76; Эрдэнэбаатар и др., 2015, с. 149–151).

Небольшие фрагменты китайского красного лакового покрытия с темным орнаментом на деревянной основе были собраны в западной части внутренней камеры (Неизданный каталог..., 2023, с. 178 рис. 60; с. 397, фото 288) (рис. 7). Они могли быть частью гроба или сосуда, однако по сохранившимся лаковым чешуйкам уверенно определить форму предмета невозможно.

На полу внутренней камеры гробницы обнаружено множество кусков китайских шелковых тканей разного переплетения и орнаментов. Некоторые из них были атрибутированы как части одежды с подкладом. Интерес представляет найденный в восточном «коридоре» фрагмент однотонного светло-коричневого шелка, который в полевой описи определен как «кусочек очень тонкого шелка с продавленными углублениями, в которых – шарики мучнистой консистенции» (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 7об.). Похожие вещи происходят из Ноин-улинского кургана 24. Чем именно были эти изделия в культуре хунну пока определить затруднительно.

Комплекс находок из кургана 1 демонстрирует довольно стандартный для элитного захоронения набор предметов сопроводительного инвентаря, включающий традиционные

Рис. 7. Фрагменты лакового покрытия (РО НА ИИМК РАН. Инв. № 5799. Р I. Оп. 1. Д. 776. Л. 109; по: Неизданный каталог..., 2023, с. 178 рис. 60).

Fig. 7. Fragments of the lacquered cover (SA IHMC RAS Manuscript Department. Inv. № 5799. Fund P I. Register 1. Folder 776. Page 109; according to: Unpublished catalogue..., 2023, p. 381 photo 272).

для культуры хунну и статусные импортные изделия. Прослеженная на основе полевой документации топография находок позволила обозначить некоторые закономерности в расположении вещей внутри погребальной камеры. В «коридорах» находились керамические сосуды, большая часть кос и отдельные детали конской упряжи. В пространстве внутренней камеры лежали фрагменты китай-

ских лакированных изделий, нефритовые пластины, фрагменты шелковых изделий или отрезков тканей, т.е. дорогие импортные вещи. Обращение к типологии отдельных категорий находок позволяет увидеть, что в разные курганы могли быть положены одинаковые серийные вещи.

Заключение

Сохранившаяся разновременная полевая и учетно-хранительская документация об исследовании кургана 1 («Мокрого») дала возможность реконструировать детали погребальной конструкции и обряда, набор сопроводительного инвентаря и особенности распределения внутри сакрального пространства, сопоставить полученные данные с материалами Ноин-улинских курганов и синхронных элитных погребений хунну. Погребальное сооружение соответствует внешним стандартам элитного захоронения. Сопроводительный инвентарь включает импортные вещи и традиционные для культуры хунну предметы.

Общие черты погребального обряда кургана 1 и других дромосных захоронений Ноин-улинских курганов, близкие типы вещей и текстиля подтверждают ранее сделанный вывод о кратком периоде строительства больших курганов в Суцзуктэ в пределах нескольких десятков лет (Слюсаренко, Мыглан, 2017, с. 298–305). Серия индивидуальных признаков конструкции, ее убранства и предметного комплекса позволяет говорить об особенностях каждого захоронения при внешнем единообразии и стандартизации погребального обряда знати хунну в конце I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.

Примечания:

¹ Предметы сопроводительного инвентаря из кургана 1 хранятся в Национальном музее Монголии и экспонируются в Национальном музее «Чингисхан» в г. Улан-Баторе.

² Пространство между стенами внешнего сруба и внутренней камеры деревянной гробницы.

³ В публикации С.И. Руденко изображение ковра ошибочно связано с Кондратьевским курганом (Руденко, 1962, таб. XL). Принадлежность этого предмета к комплексу кургана 1 определена по архивным документам.

⁴ Данные образцы были предварительно определены как зерна Проса обыкновенного (*Panicum Miliaceum*) в ходе исследований С.В. Панковой (Государственный Эрмитаж) и Н.В. Васильевой (Государственный Эрмитаж) в рамках проекта по изучению материалов Оглахтинского могильника.

ЛИТЕРАТУРА

Агапитова (Сутягина) Н.А. «Там можно будет сохранить коллекции в целом, не разделяя их...» Официальные документы о перемещениях и передачах ноин-улинской коллекции // СГЭ. Т. LXXXII / Ред. М.В. Балан и др. СПб: ГЭ, 2024. С. 180–186.

Доржсурэн Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гол (1954–1957 гг.) // Монгольский археологический сборник / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1962. С. 36–44.

Елихина Ю.И. Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П.К. Козловын шинжилгээний анги 1924–1926 (Сокровища Ноин-улинских курганов из собрания Эрмитажа. Находки экспедиции П.К. Козлова 1924–1926 гг.). Улаанбаатар, 2017. 368 с. (на монг.яз.)

Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Науч. ред. Е.И. Кычанов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 404 с.

Козлов П.К. Северная Монголия – Ноин-Улинские памятники // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П.К. Козлова / Ред. С.Ф. Ольденбург. Л.: АН СССР, 1925. С. 1–12.

Коновалов П.Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2008. 98 с.

Медведева М.В. Подготовка издания археологической коллекции Монголо-Тибетской экспедиции во второй половине 1920-х гг. в Академии истории материальной культуры: этапы, участники и проблемы // Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. / Архивное наследие ИИМК РАН. Т. II / Отв. ред. М.В. Медведева, Н.А. Сулягина, Н. Эрдэнэ-Очир. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 59–88.

Миняев С.С. Элитный комплекс суннских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 49–58.

Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. / Архивное наследие ИИМК РАН. Т. II / Отв. ред. М.В. Медведева, Н.А. Сулягина, Н. Эрдэнэ-Очир. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 420 с.

Николаев Н.Н., Миняев С.С. Некоторые результаты исследования «княжеского кургана» хунну на могильнике Оргойтон // АСГЭ. Вып. 42 / Науч. ред. Б.С. Короткевич. СПб.: ГЭ, 2019. С. 110–123.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Часть 1. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. 136 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: АН СССР, 1962. 206 с.

Слюсаренко И.Ю., Мыглан В.С. Дендрохронологический анализ погребальных конструкций из курганов хунну в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы / Отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 297–305.

Сулягина Н.А. Новые сведения о раскопках кургана № 6 («Верхнего») на севере Монголии в горах Ноин-Ула // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посв. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Труды ИИМК РАН. Т. LVII / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 278–293.

Сулягина Н.А. Археологическая коллекция Монголо-Тибетской экспедиции в 1920–1930-е гг.: задачи, идеи, решения // Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. / Архивное наследие ИИМК РАН. Т. II / Отв. ред. М.В. Медведева, Н.А. Сулягина, Н. Эрдэнэ-Очир. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 15–58.

Сулягина Н.А., Иванов Г.Л. Нефритовые изделия из коллекции Баллодовского кургана (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3. Материалы III Междунар. научн. конф. Т. 2 / Ред. Д. Тумэн, М. Эрдэнэ, Э. Мижиддорж Улан-Батор: МонГУ, 2012. С. 441–447.

Талын язгууртны өв соёл (Наследие степной знати) / Отв. ред. С. Чулуун, Ж.Баярсайхан. Улаанбаатар: Чингис хаан музей, 2022. (на монг. яз.)

Хүннү. Эзэнт гүрний дүрслэх урлаг (The Xiongnu, art of an Empire) / Отв. ред. Г. Эрэгзэн, Ну Мён гу. Улаанбаатар. 2020. (на монг. яз.)

Эрдэнэбаатар Д., Идэрханай Т., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Батболд Н., Галдбадрах Б., Маратхаан А. Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын хүннүгийн язгууртны булшны судалгаа. Улаанбаатар, 2015. (на монг. яз.)

Эрдэнэ-Очир Н.-О., Сулягина Н.А. Планы могильных полей в падах Цзурумтэ, Суцзуктэ и Гуджиртэ (Ноин-Ула, Монголия) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т.34, № 2. С. 207–227.

Sutiagina N.A. The Ballod kurgan. Research methods and the reconstruction of the funeral rite // *Studia Archaeologica*. 2023. T. XLII. Fasc. 5. P. 49–68.

Treasures of Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia (Хүннүгийн өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү гүрний соёл). Ulaanbaatar, 2011. (на англ. яз.)

Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Printing-house J. Fedorov, 1932. 76 p.

Umehara S. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Tokyo: The Toyo Bunko publications, 1960. 301 p.

Информация об авторе:

Агапитова (Сутягина) Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, хранитель коллекций археологических памятников древней и средневековой Монголии, Тувы и Забайкалья, Отдел Востока Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); na.agapit@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281

REFERENCES

Agapitova (Sutiagina), N. A. 2024. In Balan, M. V. et al. (eds.). *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* LXXXII. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 180–186 (in Russian).

Dorjsuren, Ts. 1962. In Kiselev, S. V. (ed.). *Mongolskii arkheologicheskii sbornik (Mongolian archaeological almanac)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Elikhina, Yu. I. 2017. *Ermitazh dakh Noen-uulyн erdenes. P.K. Kozlovyn shinzhilgeenii анги 1924–1926 (Treasures of the Noyon-Uul barrows in the State Hermitage Museum collection. Some finds from the expedition led by P.K. Kozlov 1924–1926)*. Ulaanbaatar (in Mongolian).

Kychanov, E. I. (ed.). 2006. *Zhizn i nauchnaia deiatelnost S.A. Kondratieva (1896–1970): v Mongolii i v Rossii (Life and scientific activities of S.A. Kondratiev (1896–1970) in Mongolia and Russia)*. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ. (in Russian).

Kozlov, P. K. 1925. Oldenburg, S. F. (ed.). *Kratkie otchety ekspeditsii po issledovaniuu Severnoi Mongolii v svyazi s Mongolo-Tibetskoi Ekspeditsiei P.K. Kozlova (Summary Reports of Expeditions for the Exploration of Northern Mongolia in Connection with the Mongol-Tibetan Expedition by P.K. Kozlov)*. Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 1–12 (in Russian).

Konovalov, P. B. 2008. *Usypalnitsa khunnского kniazia v Sudzhi (Ilmovaia pad, Zabaikale) (The tomb of a Xiongnu Prince in Sudzha (Ilmovaya pad, Transbaikalia))*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Medvedeva, M. V. 2023. In Medvedeva, M. V., Sutyagina, N. A., Erdene-Ochir, N. (eds.). *Neizdанный katalog noin-ulinskoi kollektsii. Arkhivnye materialy. 1920–1930-e gg. (Unpublished Catalogue of The Noin-Ula Collection. Archival Materials. 1920–1930-s)*. Series: Arkhivnoe nasledie IIMK RAN (Archival heritage of IHMC, RAS) Vol. 2 Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 59–88 (in Russian).

Minyaev, S. S. 2009. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 37 (2), 49–58 (in Russian).

Medvedeva, M. V., Sutyagina, N. A., Erdene-Ochir, N. (eds.). 2023. *Neizdанный katalog noin-ulinskoi kollektsii. Arkhivnye materialy. 1920–1930-e gg. (Unpublished Catalogue Of The Noin-Ula Collection. Archival Materials. 1920–1930-s)*. Series: Arkhivnoe nasledie IIMK RAN (Archival heritage of IHMC, RAS) Vol. 2 Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Nikolaev, N. N., Miniaev, S. S. 2019. In Korotkevich, B. S. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 42. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 110–123 (in Russian).

Polos'mak, N. V., Bogdanov, E. S. 2015. *Kurgany Sudzuke (Noin-Ula, Mongoliya) (Burial Mounds of Sudzuke (Noin-Ula, Mongolia))*. Part 1. Novosibirsk: “INFOLIO” Publ. (in Russian).

Polos'mak, N. V., Bogdanov, E. S., Tseveendorge, D. 2011. *Dvadtsatyi noin-ulinskii kurgan (The Twentieth Noin-Ula Mound)*. Novosibirsk: “Infolio” Publ. (in Russian).

Rudenko, S. I. 1962. *Kul'tura khunnov i noin-ulinskii kurgany (Xiongnu culture and Noin-Ula burial mounds)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., (in Russian).

Slyusarenko, I. Yu., Myglan, V. S. 2017. In Molodin, V. I. Khansen, S. (eds.). *Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveyshie itogi i perspektivy (Multidisciplinary Methods in Archaeology: latest updates and outlook)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 297–305 (in Russian).

Sutyagina, N. A. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naya kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sb. nauch. st., posv. 80-letiyu professora D.G. Savinova (The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography)*. Series: Trudy IIMK RAN (Proceedings of IHMC RAS). Vol. LVII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 278–293 (in Russian).

Sutyagina, N. A. 2023. In Medvedeva, M. V., Sutyagina, N. A., Erdene-Ochir, N. (eds.). *Neizdannyy katalog noin-ulinskoi kollektzii. Arkhivnye materialy. 1920–1930-e gg. (Unpublished Catalogue Of The Noin-Ula Collection. Archival Materials. 1920–1930-s)*. Series: Arkhivnoe nasledie IIMK RAN (Archival heritage of IHMC, RAS) Vol. 2 Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 15–58 (in Russian).

Sutyagina, N. A., Ivanov, G. L. 2012. In Tumen, D., Erdene, M., Mizhiddorzh, E. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia)* 3. Ulan-Bator: Mongolian State University Publ., 441–447 (in Russian).

Chuulun, S., Bayarsayhan, J. (ed.) 2022. *The Heritage of the Steppe Nobility*. Ulaanbaatar: Chinggis Khaan Museum (in Mongolian)

Eregzen, G., Nu Men gu (ed.). 2020. *The Xiongnu, art of an Empire*. (in Mongolian)

Erdenbaatar, D., Iderkhangai, T., Mijiddorj, E., Orgilbayar, S., Batbold, N., Galbadrakh, B., Maratkhaan, A. 2015. *Investigation of Xiongnu Elite Burials GolMod-2 at Balgasyn Tal*. Ulaanbaatar (in Mongolian)

Erdene-Ochir, N.-O., Sutyagina, N.A. 2022. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 34 (2), 207–227 (in Russian).

Sutyagina, N. A. In 2023. *Studia Archaeologica*. T. XLII. Fasc. 5. P. 49–68. (in Russian)

Treasures of Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first Nomadic Empire in Mongolia (Хүннүгийн өв. Хүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү гүрний соёл). Ulaanbaatar, 2011.

Trever, K. 1932. *Excavation in Northern Mongolia (1924–1925)*. Leningrad: Printing-house J. Fedorov (in English)

Umehara, S. 1960. *Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia*. Tokyo: The Toyo Bunko publications.

About the Author:

Agapitova (Sutyagina) Natalia A., Candidate of Historical Sciences, The State Hermitage Museum, Russia, St Petersburg, Dvortsovaya emb., 34, na.agapit@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9516-7281

Статья поступила в журнал 09.12.2025 г.
Статья принята к публикации 16.03.2026 г.